

Государственный совет против министра народного просвещения: неудавшаяся попытка С. С. Уварова «отменить» польский язык в средних учебных заведениях «литовских губерний»
(по дневнику государственного секретаря)

EDN: GWUCGP

Аннотация. В статье речь идет о том, каким образом государственный секретарь (начальник канцелярии Совета) мог менять ход дела, переговорив с нужными людьми и настроив их «против» или «за» того или иного человека и проекта. В данном случае испытывавший неприязненные чувства к Уварову Корф использовал все свои связи и дар убеждения, чтобы затруднить принятие Советом решения об упразднении штатов учителей польского языка в Литовском крае. В этом решении он видел угрозу предпочтения польскими родителями домашнего обучения, а в таком случае о воспитании польской молодежи в лояльном России духе можно забыть: они будут воспитаны не только на польском языке, но и в польском *духе*. Это вреднее, считал он, чем обучение польскому языку в училищах под контролем российских властей. В результате усилий Корфа штаты учителей польского языка в Литовском крае не были официально отменены ни при Николае I, ни при его преемнике. Остаются вопросы: как же Корф на такое решился и почему император не довел дело до конца? Противоречивость «показаний» Уварова и Николая I не позволяет до конца прояснить ситуацию. Возможно, открытие новых источников позволит когда-нибудь получить ответы.

Ключевые слова: Российская империя, «губернии, от Польши возвращенные», политика в области просвещения, император, Государственный совет, государственный секретарь.

Деятельность С. С. Уварова на посту министра народного просвещения (1833–1849) в последнее время привлекает внимание многих исследователей российской истории¹. Что касается политики Уварова в «губерниях, от Польши возвращенных», она наиболее обстоятельно рассмотрена в монографии А. С. и Ю. Е. Манойленко [7]. В своей работе

¹ Ашихмин А. В. С. С. Уваров и политика в области просвещения в юго-западных губерниях в 1830–1840-е годы // Труды Кольского научного центра РАН. Сер. Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2. № 1. С. 127–128; Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999; Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и Кирилло-Мефодиевское общество, или кризис «официальной народности» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сб. ст. к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 196–207; Манойленко А. С., Манойленко Ю. Е. «Спор славян между собой»: Общественное движение в Юго-Западном крае Российской империи в царствование Николая I. СПб., 2015; Удалов С. В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века. Саратов, 2018; Шевченко М. М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.

они выделили особенности системы просвещения в западных губерниях в эпоху Николая I, а также обозначили «важные штрихи к обобщающей картине системы просвещения в западных губерниях при этом императоре: 1) ошибочность историографических представлений о всесильности Уварова в определении политики „в губерниях, от Польши возвращенных“; 2) идея о том, что управление в области просвещения, возложенное на генерал-губернатора, ограничивало власть Министерства народного просвещения в лице министра и попечителя Киевского учебного округа в данном регионе; 3) тезис об умеренной позиции министра С. С. Уварова в отношении просвещенной „русификации“ региона в отличие от генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, предпочитавшего традиционные для имперской администрации первой половины XIX в. методы „запрещения“ и „усмирения“»².

Указанные особенности, присущие политике Уварова на западных окраинах империи, раньше проходили мимо внимания исследователей. Однако при изучении данной темы необходимо учитывать наличие этих особенностей. Вместе с тем Манойленко характеризуют «политику властей в сфере народного просвещения Западного края в целом как репрессивную»³, что, на наш взгляд, в свете последних исследований, не совсем соответствует реальному положению вещей.

В данной статье речь пойдет об инциденте, случившемся в Государственном совете в конце 1838 г. и непосредственно связанном с политикой Уварова в западных губерниях. Задействованы были члены департамента государственной экономии Совета (В. В. Левашев, Ф. П. Литке, Г. И. Вилламов), его председатель (И. В. Васильчиков), государственный секретарь М. А. Корф, министр просвещения С. С. Уваров и император Николай I. Вопрос также обсуждался в Общем собрании Совета.

Цель данного исследования — на конкретном примере показать, как функционировал *механизм* принятия решений Государственным советом, как при этом распределялись роли участников, каких результатов можно было достигнуть путем так называемых «келейных» переговоров. Используются традиционные **методы** исторического исследования. В качестве основного **источника** кроме «Дневника» М. А. Корфа была привлечена докладная записка С. С. Уварова императору из Российского государственного исторического архива.

Корф подробно описал происшедшее в своем дневнике, эта запись полна яда по отношению к министру народного просвещения. В записи от 24 октября Корф не щадит последнего. Он пишет, что Уваров

² Ашихмин А. В. С. С. Уваров и политика в области просвещения... С. 127–128.

³ Манойленко А. С., Манойленко Ю. Е. «Спор славян между собой»... С. 255.

«из угождения некоторым любимым идеям Государя часто делал... такие штучки, которые в близком родстве с тем, что мы привыкли называть *подлостями*». Вместо того чтобы говорить Государю «голосом правды, голосом истинно преданного его пользам, он нередко играет роль низкого льстеца, жертвующего для своего личного выигрыша благом государства и Государя. Дай Бог, чтобы... не одушевленное никаким прямым чувством преданности царю и любви к Отечеству, министерство его не отозвалось когда-нибудь пагубными следствиями в русской жизни. Вот новая его *проделка* (курсив наш — *И. Р.*) в которой явственно видно до какого безрассудства, до какого ослепления насчет всех последствий увлекает его угодничество из одних себялюбивых видов»⁴.

Корф отмечает, что «мятеж в западных губерниях, облагодетельствованных императором Александром, сохранивших свою веру, свои законы, свой язык и между тем наслаждавшихся всеми теми же правами, как и коренные подданные России, естественно, должен был возбудить омерзение во всех людях благонамеренных, которые видели в нем не одно минутное заблуждение, но и весь характер подлой измены. Понятны также чувства, которые он должен был возбудить лично в Государе». Поэтому «правительство, усмотрев прежние свои ошибки, обратилось к другой системе, и одною из первых пружин нового плана признано сроднение по возможности западных губерний с коренною Россией, но сроднение постепенное, без крутых слишком переворотов, которые скорее могут разорвать, нежели связать узлы. В этом духе действовал всегда и Государственный совет, и Комитет министров, и особый Комитет западных губерний». Но не так действовал и действует Уваров, — продолжал Корф: «...меры переходные, обещающие плод надежный, но отдаленный для его целей не нужны, напротив, ему нужны меры резкие и крутые, где бы весь он был на виду, будь они после полезны или вредны, все равно. Ему надобно показать Государю *qu'il abonde dans son sens*⁵, а, как обходные пути слишком далеки, и жизнь человеческая коротка, то он бьет прямо в цель, хотя бы и разбить ее». Так, по представлениям его, в Киевском учебном округе по штату 1835 г. не положено учителей польского языка, а с 1836 г. прекращено преподавание его и в губерниях белорусских. Так, теперь он осмелился представить о такой же мере для губерний Виленской, Грозненской и Минской и для области Белостокской⁶.

⁴ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. / предисл., подг. текста, указатель и коммент. И. В. Ружицкой. М., 2010. С. 171–172.

⁵ Свое глубокое понимание (*фр.*).

⁶ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 172.

«Прекрасную» эту мысль, иронизирует Корф, Уваров включил в представленный им Государственному совету проект нового штата средних учебных заведений этих губерний, «мимоходом, упомянув, что учителя польского языка выключены из проекта штата по примеру округов белорусского и Киевского». Дело это пошло по порядку в департамент экономии, а там, несмотря на сделанное Корфом через статс-секретаря представление, члены (Ф. П. Литта, В. В. Левашов и Г. И. Вилламов) положили «проект штата утвердить под ничтожным предлогом, что департамент экономии рассматривает дела только в финансовом отношении, т. е. в рассуждении сумм, не входя в отношения политические и законодательные».

Автор дневника не скрывает своих эмоций: «...это участие в преступной низости Уварова меня взорвало», — пишет он и рассказывает, что предпринял: «...тотчас поехал к Васильчикову, <...> указав ему бесчеловечность такой меры, которая разрознит детей от родителей, не знающих ничего, кроме польского языка; указал ему полагаемый этим зародыш к новой революции»... и нашел в председателе Совета «благородного рыцаря, одушевленного не *уваровскою*, а истинною, пламенною любовью к царю и Отечеству, полное сочувствие». Васильчиков понял последствия этой «гнусной меры: опустение училищ, вопль, проклятие и *домашнее* воспитание юношества посреди всех этих чувств, и вступился в дело со всею ревностью. Было послано и за Левашовым, как председательствующем в департаменте, и за Уваровым». Первому дана порядочная «головомойка, а последний — схвачен *flagrant délit*⁷ и, как после сказывал граф (Васильчиков) — как преступник: он не знал, ни что отвечать, ни как защищаться, обещая переменить свое представление». Однако «этой перемены *вполне* <...> не последовало», вместо этого Уваров прислал государственному секретарю официальное отношение, в котором, объясняя, что в представлении его Совету не было упомянуто о существовании уже в тех местах учителей польского языка («*ложь*, — отмечает Корф, — ибо там именно предполагалось их *уничтожение*»), просил присоединить к новому штату следующее примечание: «Так как на основании прежних штатов существуют в учебных заведениях места учителей польского языка, то министр может оставить их *по своему усмотрению*, заимствуя расходы на оные из хозяйственных сумм или других источников, кои находятся в распоряжении министерства».

Хотя прежний журнал департамента экономии об утверждении штата был уже подписан, но по случаю этого нового представления Корф приказал передоложить все дело, и «оно прошло соответственно его видам, основанным на душевном убеждении в истинной пользе государства».

⁷ С поличным (фр.).

Левашов, настроенный Васильчиковым, и прочие члены, настроенные Левашовым, единогласно отвергли оба представления Уварова и положили оставить учителей польского языка в штате, как они были прежде.

Но тут «родилось новое и важное затруднение: как написать журнал и чем его мотивировать, не трогая никаких щекотливых струн, и между тем довольно сильно для убеждения Общего собрания, а потом и Государя. Тут необходимо было поступить с величайшею осмотрительностью и с особенным тактом. Члены боялись дать своему возражению вид оппозиции против намерений Государя», и статс-секретарь департамента был «в недоумении». Но как «мысль об оппозиции могла бы возникнуть только от неловкой редакции, а в существе надобно было показать, что департамент рассуждает совершенно в благих видах Государя, т. е. в видах общей и будущей пользы: то я, — пишет Корф, — взялся вывести членов из затруднения и написать журнал сам»⁸.

Этот журнал — пример умения государственного секретаря выходить из сложных ситуаций, при этом обходя острые углы: «Департамент государственной экономии находит, что действующий теперь штат учебных заведений губерний Виленской, Гродненской и Минской и Белостокской области состоялся по представлению министра народного просвещения в 1834 году. Ныне после допущенных уже с Высочайшего соизволения разных против помянутого штата перемен признается нужным сделать в нем еще и другие изменения, а затем издать оный весь в обновленном виде. Соображая, что министру ближе должны быть известны, как все недостатки в устройстве образованных по штату 1834 года заведений, так и способы их исправления и, имея притом удостоверение его, что новый штат удовлетворит потребностям образования юношества в этом крае, департамент не может не утвердить настоящего представления, кроме, однако, статьи об учителях польского языка в гимназиях и уездных училищах, требующей особого рассмотрения.

Места сих учителей в новый штат не введены. По *первоначальному* представлению министра они предназначались совсем к уничтожению. По *дополнительному* его отзыву полагается, напротив, удержать их и на будущее время, но только по *собственному усмотрению* министра. *Первая* мысль основана была на примере училищ белорусских, где с 1836 года прекращено по Высочайшей воле преподавание польского языка, и Киевского учебного округа, где по штату 1835 г. учителей оного также не положено.

Департамент экономии признал нужным обсудить меру сию в *двояком* отношении:

⁸ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 172–174.

Во-первых, *в видах исполнения В<ысочай>шей воли*. Должности учителей польского языка в заведениях помянутых губерний назначены по *В<ысочай>ше* подтвержденному штату, при именном *В<ысочай>шем* указе, изданному об отмене сего назначения, приведенного в действие с 1834 г. и доселе существующего, никакого нового *В<ысочай>шего* повеления в виду не имеется: следственно, ни приступать к исключению еще должностей из штата, ни оставлять замещение их собственно на *личное* усмотрение министерства, когда доселе *оне* были положительно назначены *В<ысочай>шей* властью, департамент не считает себя в праве.

Во-вторых, *в видах самого существа дела*. Один пример губерний белорусских и принадлежащих к Киевскому округу не представляет здесь никакого решительного основания, ибо удобоисполнимое в *одном* крае не всегда может быть удобно и полезно в *другом*. Известно, что присоединение к России губерний Вил<енской>, Гродн<енской> и Минской и Белост<окской> области относится к эпохе гораздо позднейшей, и от того *язык польский*, сохранившийся в прочих возвращенных областях более, так сказать, *по преданию* здесь составляет еще *язык польский, преобладающий и в семейном быту, и в общежитии, язык, который можно заменить повсеместно русским не иначе, как постепенно и посредством мер переходных* (курсив наш — И. Р.). Департамент не имеет повода сомневаться, что публичному воспитанию в сем крае дано ныне направление, соответственное благодетельным видам правительства, а что новому поколению внушается там дух привязанности к законной власти и к самой России, не только по языку, но и по всем другим отношениям; но по сему самому должно, в тех же видах всемерно желать и поощрять поступление молодых людей в публичные училища; и изгнание же из них вдруг польского языка может иметь совсем противное последствие: родители, принадлежащие еще к прежнему поколению и, следственно, питающие еще прежнюю привязанность к польскому языку, не решатся отдавать детей в училища, где его не преподают. Они предпочтут *домашнее* воспитание, а воспитание сего рода в таких семействах, от которых, по крайней мере, в общей массе едва ли можно еще ожидать истинной приязни к России, будет очевидно вреднее, нежели обучение польскому языку в училищах, составляющих в руках просвещенных и благоразумных, орудие столь сильное. Одно уже это обстоятельство, по мнению департамента, так важно и решительно, что он не может принять на себя утверждение предположенной министром народного просвещения меры. Когда возрастут два или три поколения, воспитанные в духе русском, усвоившие себе, вместе с нашею преданностью к престолу и наш язык, когда он постепенно сделается в сем крае языком частной и общественной жизни: тогда мера сия будет удобоисполнима,

но до тех пор — ясен лишь существенный *вред* ее: молодые люди не пойдут в училища, а в семействах будут воспитаны не только уже в польском языке, но и в польском *духе*.

Завершался этот документ следующим заключением: «Вследствие сих соображений департамент экономии полагает: должность учителей польского языка в гимназиях и уездных училищах означенного края оставить до времени на прежнем основании и, соответственно тому, поручить министру народного просвещения переделать представленные им проекты указа и штата»⁹.

С гордостью Корф отмечает в дневнике, что «члены департамента были восхищены этим проектом». Однако возник вопрос: сообщать ли журнал заседания министру для подписания? Корф был уверен, «что Уваров, увидев такое сильное возражение, не приищет на него отпора и потому возьмет свое представление совсем назад, а тогда бы и журнал не пошел к Государю, между тем, как он содержит в себе истины, бесполезные и для будущего времени». В таком случае все, что уже предпринял госсекретарь, было бесполезно. Поэтому он убедил членов департамента, что «*читать* Уварову журнал нет никакой надобности, и закон этого положительно не требует, а довольно ему сказать, что департамент с ним не согласился»¹⁰. Так и было сделано: Уваров просил записать в журнал, что он остается при своем мнении, члены подписали журнал, который пошел в общее собрание.

Тридцатого октября 1838 г. Корф рассказывает в дневнике, что принял министр просвещения по делу о преподавании польского языка в средних учебных заведениях северо-западных губерний: на докладе «знаменитого штата *без польских учителей*» Уваров решил в Совете не присутствовать. В двух «огромных» письмах, которые он написал по этому случаю Васильчикову, он старается «объяснить ему разными обиняками, но, не выговаривая, впрочем, ясно и положительно, что отсечение этих учителей предположено им, если не по определительному повелению, то, по крайней мере, совершенно в духе общих видов Государя, <...> что присутствие завтра в Совете завлекло бы его, может быть, в такие откровенные и сильные объяснения, которые в столь многочисленном собрании не совсем удобны и, что потому, чтобы не компрометировать Государя, он считает приличным не быть в Совете при докладе этого дела».

«Васильчиков вчера у Государя, предварил его об истинных видах дела о заключении департамента экономии, и *Государь, признав оное пра-*

⁹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 174–175.

¹⁰ Там же. С. 176.

вильным, отозвался, что не помнит, чтобы давал Уварову приказание, которое могло бы навести его на подобную мысль (курсив наш — И.Р.)». Все это вместе привело к тому, что «Васильчиков сегодня, рассказывая мне и читая письма Уварова, в порывах военной своей откровенности честил его канальею, бестию и т.п. Между тем сегодня утром я получил официальное отношение Уварова, в котором он пишет, что будучи „в невозможности“ присутствовать завтра в Государственном совете, он просит доложить Совету и приказать внести в журнал, что, с своей стороны, остается при мнении, изъявленном департаменту экономии: что не следует вносить в сии штаты учителей польского языка, а в сем отношении сравнить их с штатами Киевского учебного округа“. Следовательно, он возвращается опять к прежнему мнению, отступая от того, чтобы учителя польского языка были *по его усмотрению*». «Это отношение я получил при следующей его записке: „Je m'empresse de joindre quelques lignes à le office que j'ai l'honneur de V-s adresser pour V-s dire que je le crois suffisant pour garantir que l'opinion déclarée *au Département* passe également dans le journal du *plénum*. Il m'importe que mon absence du Conseil, absence motivée par de raisons très fortes, ne soit pas comptée pour une défection ou pour un abandon de mon opinion. S'il en était ainsi, je compte sur votre loyauté pour m'en prévenir encore aujourd'hui, afin que je prenne mes mesures en conséquence“¹¹? Как мне известна теперь вся подноготная, то мы и порешили с гр. Васильчиковым ничего на эту записку не отвечать»¹². Сам Уваров жаловался, что департамент не пригласил его на заседание Общего собрания, где слушался вопрос об учителях польского языка в средних учебных заведениях Литовского края, но, как следует из приведенной выше записки, он туда и не собирался.

Тридцать первого октября Корф пишет о слушании дела в общем собрании Совета, которым «журнал департамента принят *par acclamation*»¹³.

Однако Уваров не оставляет своих попыток вернуться к упразднению учителей польского языка. Он подает 6 ноября всеподданнейшую записку, в которой напоминает императору об их совместном решении: «...в губерниях, от Польши возвращенных, [они] изволили принять правилом постепенное уничтожение преподавания польского языка в рус-

¹¹ «Спешу прибавить несколько строк к отношению, которое имею честь Вам направить: сообщая Вам, что считаю его достаточной гарантией того, что мнение, высказанное мною в *Департаменте*, будет также записано и в журнале *общего собрания*. Мне важно, чтобы мое отсутствие в Совете, отсутствие, основанное на очень веских причинах, не сочли за уклонение или отказ от своего мнения. Если это будет так, я рассчитываю на Вашу преданность, чтобы предупредить меня об этом сегодня же, чтобы я мог принять соответствующие меры» (фр.).

¹² Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 183–184.

¹³ Без обсуждения (фр.).

ских училищах». Поэтому в 1832–1835 гг. польский язык был исключен из училищ Волынской, Подольской и Киевской губерний с «собственно-ручным присовокуплением»: «что могут обучаться сему языку на свой счет, ежели пожелают», а с 1836 г. решено «не преподавать более польского языка в учебных заведениях Витебской и Могилевской губерний».

Далее Уваров пишет, что это было сделано вопреки мнению тогдашнего военного губернатора и попечителя Киевского учебного округа. Он подчеркнул, что император «изволил лично повелеть мне не останавливаться в исполнении моего предположения, несогласного с мнением военного губернатора и попечителя».

Не забыл министр отметить пользу этой меры: таким образом, «новые учебные заведения [пяти западных губерний] не только не понесли [от исчезновения преподавания польского языка] никакого ущерба, но приняли отлично успешный ход и приобрели полную доверенность всех жителей того края»¹⁴.

Дело затянулось. В записи за 23 ноября Корф сообщает, что отговорил Васильчикова самому везти журнал об учителях польского языка императору. Васильчиков, однако, накануне виделся с монархом и повторил опять все прежние убеждения, хотя, кажется, «не с большим успехом». Вернувшись домой, он написал государю французское письмо, «в котором снова выставляет весь вред, моральный и политический, от подобной меры». Он «думает, что, если после этого император и не утвердит заключение Совета, то, по крайней мере, и не отвергнет его, а просто оставит у себя без всякого решения». Однако Корф сомневается в том, что это удастся, «особенно после сказанного ему вчера Киселевым, который на днях говорил об этом деле с Государем и слышал утверждение, что *мысль Уварова есть только последствие и развитие общего плана, зрело обдуманного и им, Государем, вполне одобренного* (курсив наш — И. Р.)»¹⁵.

На следующий день, вечером 24 ноября, Корф получил обратно от монарха «знаменитую меморию» об учителях польского языка в Литовском крае со следующей собственноручной резолюцией: «Дело сие передать в мою канцелярию, и по Совету считать конченным». «Следственно, — записывает Корф, — у нас всему этому уже конец, и все переходит после Совета в руки г. Танеева»¹⁶. План Корфа успешно был им же и реализован: император хотя и не утвердил заключение Совета, но не отверг его, а просто оставил у себя без всякого решения; таким образом, упразднение

¹⁴ Докладная записка С. С. Уварова императору Николаю I о штатах Белорусского учебного округа 6 ноября 1838 г. // РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Л. 3–9. Предоставлена автору А. В. Ашихминим.

¹⁵ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 200–201.

¹⁶ Там же. С. 202. А. С. Танеев — управляющий Первым Отделением СЕИВК в 1834–1866 гг.

штата учителей польского языка в «литовских» губерниях не состоялось. Победила точка зрения Совета, стратегия и тактика государственного секретаря оказались действенными. На самом деле, по статистике, Государственный совет в первой половине XIX в. принимал по итогам обсуждения решение большинства где-то в 65% случаев, но это не значит, что во всех других случаях принималось решение меньшинства или одного человека (исключение — мнение наследника или председателя Совета)¹⁷. Вот и в данном примере император *просто отложил дело* об отмене преподавания польского языка в уездных училищах и гимназиях, на что, собственно, Корф, хорошо знакомый с процедурами, и делал ставку. Обстоятельства сложились таким образом, что этот вопрос так и не был решен по варианту министра народного просвещения: в дальнейшем польский язык оставался в программе среднего образования Северо-Западного края.

Изучение императорских резолюций на мемориях и журналах Государственного совета позволяет констатировать: примеров, когда Николай I принимал мнение меньшинства, достаточно, но все-таки не настолько, чтобы утверждать, что он всегда шел против Совета. В практике его старшего брата таких случаев было гораздо больше.

Для Николая I было принципиально важным, во-первых, чтобы все соответствовало законам, если же это правило нарушалось, следовали резолюции следующего содержания: «назначать Лачинова в губернаторы в ту же губернию, где был до несправедливого обвинения, когда есть уже в ней губернатор, *ни на каком законе не основано*», «так как ход дела доказал *всю неясность и неполноту существующих законов на сей предмет*, то немедленно заняться составлением полного о сем Положения», «департаменту законов заняться рассмотрением *справедливости и полноты сей статьи нашего законодательства*» и т. д. Дела откладывались, таким образом, до окончания пересмотра соответствующих законов, и ничто не могло заставить императора, заявлявшего, что желает «положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов»¹⁸, отступить.

Во-вторых, рассматривая решения Совета по уголовным делам представителей дворянства и по оскорблению монарха всеми остальными сословиями, император *всегда* смягчал наказания, вынесенные Советом (дела такого рода составляли самую многочисленную категорию)¹⁹.

¹⁷ Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб. 2018. С. 109–124.

¹⁸ Шильдер Н. К. Император Николай I, его жизнь и царствование. М., 1997. Т. I. С. 464.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 728. Д. 2271. Оп. 1. Раздел II. Т. 2. Л. 7–7 об., 42–42 об.; Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 121.

Список литературы

1. Ашихмин А.В. С.С. Уваров и политика в области просвещения в юго-западных губерниях в 1830–1840-е годы // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2. № 1. С. 126–140.
2. Велижев М.Б. Чаадаевское дело. Идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: НЛО, 2022. 392 с.
3. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 352 с.
4. Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и Кирилло-Мефодиевское общество, или кризис «официальной народности» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сб. ст. к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 196–207.
5. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001. 416 с.
6. Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. / Предисловие, подготовка текста, указатель и комментарии И. В. Ружицкой. М.: ИД «Рубежи XXI», 2010. 574 с.
7. Манойленко А.С., Манойленко Ю.Е. «Спор славян между собой»: Общественное движение в Юго-Западном крае Российской империи в царствование Николая I. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2015. 320 с.
8. Миллер А.И. Нация или могущество мифа. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
9. Ружицкая И.В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 312 с.
10. Удалов С.В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2018. 256 с.
11. Шевченко М.М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 256 с.

References

1. Ashikhmin A. V. S. S. Uvarov and the Education Policy in the Southwestern Provinces in the 1830s-1840s. *Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities*. 2023, vol. 2, no. 1, pp. 126–140. (In Russ.)
2. Velizhev M. B. The Chaadaev Case: Ideology, Rhetoric and State Power in the Russia of Nicholas I. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 392 p. (In Russ.)
3. Whittaker C. H. Count Sergey Semenovitch Uvarov and His Time. Saint Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1999. 352 p. (In Russ.)
4. Zhukovskaya T. N. S. S. Uvarov and the Cyril and Methodius Society, or the Crisis of „Official Nationality“. *Russian History and Historical Thought in Russia of the 19th-20th Centuries: A Collection of Articles in Honor of the 75th Anniversary of A. N. Tsamutali*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2006, pp. 196–207. (In Russ.)
5. Zorin A. L. Feeding the Double-Headed Eagle... Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)

6. Korf M. A. Diaries of 1838 and 1839. Preface, text preparation, index, and commentaries by I. V. Ruzhitskaya. Moscow, Rubezhi XXI Publ., 2010. 574 p. (In Russ.)
7. Manoylenko A. S., Manoylenko Yu. E. „The Dispute of the Slavs Among Themselves“: A Social Movement in the South-Western Region of the Russian Empire During the Reign of Nicholas I. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)
8. Miller A. I. Nation, or the Power of Myth. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2016. 146 p. (In Russ.)
9. Ruzhitskaya I. V. The State Council Under Nicholas I: Features of Its Functioning. Moscow; Saint Petersburg, Tsentr humanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 312 p. (In Russ.)
10. Udalov S. V. Empire at Anchor: State Ideology, Power, and Society in Russia of the Second Quarter of the 19th Century. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2018. 256 p. (In Russ.)
11. Shevchenko M. M. The End of One Greatness: Power, Education, and the Printed Word in Imperial Russia on the Eve of the Liberation Reforms. Moscow, Tri Kvadrata Publ., 2003. 256 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ружицкая Ирина Владимировна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра истории России XIX — начала XX в.
Институт российской истории Российской академии наук (г. Москва)
Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
E-mail: iriran@mail.ru

Для цитирования

Ружицкая И. В. Государственный совет против министра народного просвещения: неудавшаяся попытка С. С. Уварова «отменить» польский язык в средних учебных заведениях «литовских губерний» (по дневнику государственного секретаря) // Социум и власть. 2026. Т. 23. № 2. С. 48–60.

Ruzhitskaya Irina V.

The State Council Versus the Minister of Public Education: S. S. Uvarov's Failed Attempt to „Abolish“ the Polish Language in Secondary Schools in the „Lithuanian Provinces“ (According to the Diary of the State Secretary)

Abstract. This article examines how the State Secretary (the head of the Council's chancery) could change the course of a case by negotiating with the right people and predisposing them „against“ or „in favor of“ a particular individual or project. In the case at hand, Korf, who harbored ill feelings toward Uvarov, used all his connections and powers of persuasion to obstruct the Council's decision to abolish the established teaching posts for Polish-language teachers in the Lithuanian provinces. He saw this decision as a threat: Polish parents would choose for home education, and in that case any hope of raising Polish youth in a spirit loyal to Russia

could be forgotten — they would be brought up not only in the Polish language but also in the Polish spirit. This, he believed, was more harmful than teaching Polish in schools under the control of the Russian authorities. As a result of Korf's efforts, the teaching posts for Polish-language teachers in the Lithuanian provinces were not officially abolished under Nicholas I or his successor. Questions remain: how did Korf bring himself to take such a step, and why did the emperor not see the matter through? The contradictory „testimonies“ of Uvarov and Nicholas I do not allow us to fully clarify the situation. Perhaps the discovery of new sources will one day provide answers.

Keywords: Russian Empire, „provinces reclaimed from Poland“, education policy, Emperor, State Council, State Secretary.

Information about the author

Ruzhitskaya Irina V.

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher
Center for the History of Russia of the 19th — Early 20th Centuries
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
19 Dmitriya Ul'yanova Street, Moscow, 117292, Russian Federation
E-mail: iraruz@gmail.com

For citation

Ruzhitskaya I. V. The State Council Versus the Minister of Public Education: S. S. Uvarov's Failed Attempt to „Abolish“ the Polish Language in Secondary Schools in the „Lithuanian Provinces“ (According to the Diary of the State Secretary). *Society and Power*. 2026, vol. 23, no. 2, pp. 48–60. (In Russ.)